

СООБЩЕНИЯ

©1995 г. Ю. А. ПИСАРЕВ

РОССИЙСКО-ЧЕРНОГОРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1916)

Действительного члена Российской академии наук, лауреата государственных премий, Юрия Алексеевича Писарева (1916—1993) нашим читателям подробно представлять не надо. О нем лучше всего говорят около 200 научных работ — в том числе монографии: «Антивоенное движение в русских войсках на салоникском фронте в 1916—1918 гг.» (М., 1966); «Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии 1905—1914 гг.» (М., 1962); «Сербия и Черногория в первой мировой войне». (М., 1968); «Образование Югославского государства». (М., 1975); «Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны». (М., 1985), которые он оставил после себя в науке. Глубокое знание исторической фактуры, тонкий анализ колоссального материала, используемого в конкретных работах, сочетались у Юрия Алексеевича с широтой исторического мышления и изящностью изложения своих взглядов. Он любил друзей, жизнь, «свои» Балканы, историческую науку, которой оставался верен и в самые трудные для него последние годы, когда он, тяжело больной, продолжал работать, работать и работать. Публикуемая его последняя статья — яркое свидетельство всему вышеизложенному.

В отечественной и зарубежной литературе до сих пор не освещена история российско-черногорских отношений в годы Первой мировой войны (до капитуляции Черногории), несмотря на то, что оба эти государства были союзниками и для них совместная борьба против держав Центральной коалиции имела жизненно важное значение. Россия, выступая вместе с Черногорией, защищала интересы своего форпоста на Балканах; Черногория, воюя в союзе с Россией, отстаивала независимость национального государства.

Российско-черногорские отношения имели давние исторические корни, восходящие еще к концу XVII в. Впервые русская общественность узнала о черногорцах из сообщения посланника Петра I П. А. Толстого от 1698 г., который по дороге в Венецию остановился близ гавани Котарро, на восточном побережье Адриатического моря. Вместе с ним в Венецию следовала группа молодых дворян, посланная Петром I для обучения мореходному делу. Здесь, в районе гавани Котарро и местечка Пераст, они встретили черногорцев. П. А. Толстой сообщал в Россию: «Близко помяненных мест Котарро и Пераста живут вольные люди, которые называются черногорцами. Те люди веры христианской, языка славянского и их есть немало числа; никому не служат, временем воину [ведут] с турками, а временем воюют с венетами» (венецианцами)¹. Так началось знакомство россиян с черногорцами. «Племя злое», писал о них Пушкин, имея в виду воинственность и непокорность черногорцев. Это представление о вольнолюбивом и гордом народе сохранилось у русских на века, и черногорцы неизменно подтверждали сложившееся о них представление: они были единственным на Балканах народом, который так и не покорился османским завоевателям. Несмотря на свою малочисленность (в XIX в. в Черногории проживало не более 200 тыс. чел.), черногорцы отстаивали в кровопролитных войнах свою свободу, создав независимое государство: с 1852 г. — княжество, с 1910 г. — королевство.

Это качество черногорцев высоко ценилось Россией, которая издавна считала Черногорию своим военным и политическим союзником. Еще в 1883 г. министр иностранных дел Н. К. Гирс обратил внимание царского правительства на значение установления тесных связей с Черногорским княжеством. В своей инструкции посланнику в Черногории А. И. Кояндеру от 15 октября он писал: «В случае политических осложнений черногорское войско могло бы служить для нас хорошую службу, став нашим

отрядом в западной части Балканского полуострова. Этот отряд отвлек бы на себя часть сил нашего противника и, кроме того, сгруппировал бы вокруг себя соседние дружеские к нам славянские элементы»². Вторая задача «сгруппировать вокруг себя славянские элементы», т. е. Сербию и Болгарию, для отпора германо-австрийской агрессии была не менее важной: в Петербурге рассматривали Черногорию как один из возможных центров объединения остальных Балканских государств.

Россия неоднократно воевала вместе с Черногорией или оказывала ей помощь оружием. Так, в начале XIX в. она выступила вместе с Черногорией против Наполеона, в 60-е гг. того же столетия Россия существенно помогла Черногории оружием, что позволило местному населению выстоять против турок, а участие России в войне 1877—1878 гг. с Османской империей привело к окончательному освобождению Черногорского княжества. С этого момента Черногория обрела свою полную государственность, выйдя из-под номинальной зависимости от Турции.

Для народов России Черногория имела не только военное значение. Сама борьба черногорцев за свободу служила для россиян вдохновляющим примером. В свою очередь, черногорцы видели в лице России свою покровительницу, а многие из них называли ее «майкой», т. е. «второй родиной». Черногорцев и россиян сближали единство религии, схожесть языка, тождественность социально-общинного строя в деревне и, конечно, традиционная поддержка Россией Черногории в ее борьбе против османского ига.

На русской литературе, живописи, музыке и искусстве воспитывалось не одно поколение черногорской интеллигенции. В то же время в России с интересом и симпатией воспринималась самобытная национальная культура Черногории. Российская империя первой из великих держав официально признала Черногорское государство: в 1881 г. она установила с ней дипломатические отношения, открыв в столице Черногории г. Цетинье свое посольство. В 1903 г. в Черногорию была направлена русская военная миссия во главе с подполковником Н. М. Потаповым, который участвовал в создании местных вооруженных сил. В 1910 г. между обоими государствами была заключена военная конвенция, обеспечивавшая защиту Черногории от эвентуального агрессора. В 1914 г., после нападения Австро-Венгрии на союзницу Черногории Сербию Россия выступила на их защиту. Разумеется, царизм преследовал при этом своекорыстные цели, но участие России в войне объективно помогло Сербии и Черногории сохранить свою независимость.

Долгое время исследователям оставались неизвестны источники о российско-черногорских отношениях накануне и в годы Первой мировой войны. В России лишь сравнительно недавно открылись архивы царского Генерального штаба. Черногорские архивы сильно пострадали во время двух мировых войн. В 1916—1918 гг. они почти на 90% были ограблены австро-венгерскими оккупационными властями³, во время Второй мировой войны они понесли большой ущерб от действий итальянских захватчиков. Возрождение архивных фондов Черногории началось лишь в 50—70-е гг., когда в Югославию стали поступать материалы из Австрии и Италии на основе международных соглашений о реституции. В 1954 г. на базе этих материалов Военно-историческим институтом в Белграде был издан сборник «Операции черногорских войск в Первой мировой войне»⁴, а в 1980—1982 гг. Академией наук и искусств Сербии совместно с секретариатом иностранных дел Югославии была подготовлена семитомная публикация «Документы о внешней политике Королевства Сербии в 1904—1914 гг.»⁵ В ней собраны документы не только по предыстории войны, но и материалы о международных отношениях в период возникновения мирового конфликта, в том числе и источники черногорского происхождения.

К сожалению, в отечественное издание «Международные отношения в эпоху империализма»⁶ не вошел целый ряд принципиально важных документов, таких, например, как материалы Особого совещания, Протоколы заседаний Совета министров, записки министра иностранных дел на Высочайшее имя и аналитические доклады дипломатов, аккредитованных в Балканских странах, министру. Редактор этого издания М. Н. Покровский и его последователи не включали в публикацию документы, расходившиеся с их концепцией. «Война,— утверждал Покровский,—была непосредственно (подчеркнуто мной.— Ю. П.) спровоцирована русской военной партией»⁷. И хотя источники говорили как раз об обратном — о том, что в 1914 г. ни Россия, ни Черногория, ни Сербия еще не были готовы к мировой войне (Россия только что приступила к реорганизации своей армии, которая должна была закончиться лишь в 1914—1917 гг., а Черногория и Сербия — вследствие того, что эти страны были обескровлены балканскими войнами), составители упомянутой публикации исключили из нее все, что не соответствовало их точке зрения. Так, оказались изъяты материалы Генерального штаба за 1914 г. о возобновлении военной конвенции между Россией и Черногорией 1910 г., которая свидетельствовала о намерении обоих государств принять меры оборонительного характера в случае агрессии на Балканах держав Центральной коалиции. О неготовности Черногории к войне говорят и бумаги черногорского короля Николая I, хранящиеся в архиве Дворца-музея в Цетинье, где находились его резиденция и

личная канцелярия. Примечательна история этих документов. В январе 1918 г., когда столица Черногории подверглась угрозе австро-венгерской оккупации, король отдал распоряжение срочно запрятать Материалы своей канцелярии в подвалах городского монастыря или зарыть их в землю в деревянных ящиках в дворцовом парке. Значительная их часть оказалась утраченной, и лишь в 30-е гг. архивные учреждения Черногории приступили к реставрации этих бумаг. Была восстановлена и часть личной переписки короля Николая, в том числе и его письмо российскому императору от ноября 1913 г. о восстановлении русско-черногорского военного союза. Черногорский монарх заверил в письме царя в том, что его правительство будет неукоснительно выполнять «волю российского Государя»⁸.

Эти и другие материалы из отечественных и зарубежных архивов были использованы при написании данной статьи. Автор привлек также мемуарную литературу, принадлежащую перу государственных и военных деятелей России и Черногории той поры. Среди них особенно интересны воспоминания директора Ближневосточного департамента МИД, будущего российского посланника в Сербии князя Г. Н. Трубецкого⁹, царского посланника в Черногории А. А. Гирса¹⁰, дневник российского военного агента в этой стране полковника Н. М. Потапова¹¹, мемуары австро-венгерского посланника в Цетинье барона В. Гизля¹², воспоминания австро-венгерского военного атташе в Черногории майора Г. Хубки¹³, а также мемуары члена черногорского правительства Н. Хайдуковича¹⁴.

Автором учтены и работы югославских историков, в особенности Н. Шкеровича, в трудах которого содержится материал о русско-черногорских отношениях в годы Первой мировой войны¹⁵. Однако его исследование базировалось главным образом на косвенных данных, а не на первоисточниках.

Весной 1914 г. была возобновлена русско-черногорская военная конвенция, заключенная еще в 1910 г. и приостановленная в 1912 г., когда Черногория, нарушая взятые на себя обязательства согласовывать свои военные планы с российским Генеральным штабом, в одностороннем порядке объявила в октябре 1912 г. войну Турции, а через год, в июне 1913 г., вступила в новую войну с Болгарией.

После окончания балканских войн в Европе возникла новая международная ситуация, чреватая угрозой всевропейской войны. К этому времени курс на войну взяла кайзеровская Германия, о чем свидетельствует секретная инструкция кайзера Вильгельма II министру иностранных дел Готлибу фон Ягову от 16 августа 1913 г. (документ был обнаружен в Боннском архиве югославским историком Л. Митровичем). «Ныне,— говорилось в предписании кайзера,— может быть отодвинута на задний план важнейшая задача нашей политики: сохранить в Европе мир». В инструкции ставилась задача создания на Балканах под эгидой Германии и Австро-Венгрии военно-политического блока, а в случае неосуществления этого плана — завоевания Балкан¹⁶.

Позиция Германии, с которой солидаризировалась и Австро-Венгрия, вызвала большую тревогу в Петербурге. В декабре 1913 г. С. Д. Сазонов направил военному министру В. А. Сухомлинову письмо, в котором поставил вопрос о немедленном возобновлении русско-черногорской конвенции. «По разным причинам,— писал он,— я признал бы желательным и на будущее время не сокращать военной помощи Черногории. Главным доводом в обоснование этого представляется опасение, как бы в случае, если бы мы отказались удовлетворить ходатайство короля Николая, он не обратился бы к Австрии или Италии с подобной же просьбой. Между тем для нас представляется крайне нежелательным утверждение политического влияния обеих этих держав в Черногории»¹⁷.

С еще большей определенностью в пользу возобновления военного соглашения высказался генерал-квартирмейстер русской армии генерал Ю. Н. Данилов. 1 марта 1914 г. он представил царю «Записку о вероятных планах Тройственного союза против России», в которой уделял большое внимание Сербии и Черногории. Исходя из возможности военного столкновения с Австро-Венгрией, генерал настаивал на использовании Россией военных сил обеих государств. Сербия, по его предположениям, могла бы отвлечь на себя на Балканском фронте шесть австро-венгерских корпусов, а Черногория — сковать австро-венгерские силы в районе Новипазарского санджака и в Черногорском Приморье¹⁸.

Черногорское правительство, в свою очередь, было заинтересовано в налаживании тесных контактов с Россией. Оно крайне нуждалось в возобновлении военной субсидии, выдаваемой Петербургом и составлявшей почти две трети всех бюджетных поступлений страны. Переговоры о восстановлении военного союза с Россией начались по инициативе черногорского короля Николая, обратившегося с личным посланием к царю. Одобрив предложение черногорского монарха в принципе, Николай II предложил разработать детали договора Генеральному штабу.

21 января 1914 г. под председательством начальника Генерального штаба генерала Я. Г. Жилинского для обсуждения этого вопроса было создано Особое совещание. На нем присутствовали генерал Ю. Н. Данилов, его помощник генерал А. Н. Монкевиц, военный агент России в Черногории полковник Н. М. Потапов,

товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов и начальник Ближневосточного отдела МИД князь Г. Н. Трубецкой¹⁹. С докладом выступил Данилов. Обрисовав состояние вооруженных сил Черногории, он предложил восстановить военную конвенцию и оказать Черногории срочную дополнительную помощь оружием и кредитами. Докладчика поддержали представители МИДа Нератов и Трубецкой, заострившие внимание на политической стороне вопроса. Трубецкой, кроме того, выдвинул идею отправки в Черногорию сербских военных инструкторов наряду с русскими, с тем чтобы укрепить военные связи Черногории с Сербией, имея в виду в перспективе их государственное объединение. Жилинский, в принципе одобряя проект восстановления военной конвенции, высказал вместе с тем сомнения в целесообразности предоставления Черногории финансовой субсидии на прежней основе. Он заметил, что черногорский монарх произвольно тратил эти кредиты на собственные нужды. Жилинский заявил, что прежнюю субсидию в размере 3 млн. руб. в год необходимо сократить до 600 тыс. руб. и одновременно установить жесткий контроль за их расходованием. Начальник Генерального штаба обратил внимание собравшихся на ненадежность действий самого черногорского монарха. В 1912 г., сказал он, король Николай, начав войну с Турцией, едва не втянул в эту авантюру Россию, и нет гарантий, что он не поступит так же и на этот раз. Доводы Жилинского произвели впечатление на участников совещания, и в итоге не было принято никакого решения по обсуждаемому вопросу.

31 марта 1914 г. состоялось повторное заседание. Его вел новый начальник Генерального штаба генерал Н. Н. Янушкевич, отличавшийся значительно большей сговорчивостью, чем Жилинский. Он был сторонником дяди царя, великого князя Николая Николаевича, который покровительствовал черногорскому монарху (великий князь был женат на его дочери, Анастасии, бывшей до замужества фрейлиной царицы). Но и на этом совещании не все прошло гладко. Посланник России в Цетинье А. А. Гирс выступил с заявлением о том, что король Николай игнорировал деятельность русских военных специалистов и вообще являлся скрытым противником серьезного обучения черногорцев военному делу. Он привел в своем выступлении обращение короля к черногорским воинам на одном из смотров войск: «Учитесь, учитесь, дети мои,— сказал монарх,— но не забывайте, что вы — воины от рождения, а потому можете прожить без всякого обучения»²⁰. По словам Гирса, Николай чинил препятствия русским военным инструкторам, мешал продвижению по службе способных офицеров, назначая на командные посты своих родственников и знакомых. Посланник поставил под сомнение самую необходимость содержания в Черногории военных специалистов из России²¹.

Тем не менее Особое совещание одобрило предложение Сазонова и Данилова о возобновлении военной конвенции, поручив Отделению генерал-квартирмейстера ГУГШ определить смету расходов и представить ее на утверждение Совета министров²². Отделение подготовило объяснительную записку с перечислением расходов, которые могла бы взять на себя Россия: 1570 тыс. руб.— на приобретение для Черногории 60 тыс. винтовок, 5 633 224 руб.— на артиллерию, 931 043 руб.— на штабные расходы (в том числе 1570 руб. на содержание российских военных инструкторов). Вместе с тем были отменены расходы на содержание главной военной квартиры Черногории (78 655 руб.) и значительно сокращены на выдачу жалования служащим черногорского военного министерства, на содержание военных оркестров, военные учебные сборы и обучение рекрутов, которые подменялись королем показательными парадами. Вместо этого ГУГШ запланировал выделение специальных сумм на содержание в Черногории военных училищ (100 тыс. руб.) и систематическое проведение маневров (80 тыс. руб.), т. е. поставил вопрос о действительно серьезном обучении черногорских войск²³.

Однако и эти деньги показались царскому правительству слишком большими. Председатель Совета министров В. Н. Коковцов в личном послании Сазонову еще до созыва Особого совещания высказал свои сомнения в целесообразности возобновления выдачи финансовой субсидии Черногории и восстановления с ней военного союза. По его мнению, военная конвенция не могла служить гарантом выполнения черногорским монархом своих обязательств. «Сами черногорские военные силы,— отмечал премьер,— вряд ли представляют для нас какой-либо интерес». Коковцов, занимавший одновременно пост министра финансов, знал цену деньгам и считал расточительством выдачу Черногории финансовой субсидии, тем более что Россия так и не установила своего контроля за ее расходованием. По мнению главы правительства, если Россия и решится на выдачу субсидии, это надо сделать на «строгих договорных началах»²⁴.

Однако царь и Сазонов настояли на возобновлении военной конвенции. Окончательно этот вопрос был решен на очередном заседании представителей Генерального штаба и Министерства иностранных дел 13 апреля 1914 г. На нем присутствовали генералы Янушкевич, Данилов и Монкевиц, помощник министра иностранных дел Нератов, начальник Ближневосточного отдела МИД Трубецкой и посланник в Черногории Гирс. На этот раз все прошло спокойно: Гирс предпочел промолчать.

20 мая 1914 г. Сазонов послал черногорскому монарху официальную телеграмму с извещением о возобновлении российско-черногорской военной конвенции²⁵. Была восстановлена и финансовая субсидия, выдаваемая ежегодно Россией Черногории в размере 6 млн. руб. При этом, однако, был установлен контроль за ее расходованием. Он был возложен на посланника А. А. Гирса и военного агента полковника Н. М. Потапова. На этой почве между черногорским монархом, с одной стороны, и Гирсом и Потаповым — с другой, обострились конфликты. Официальные представители России не позволяли королю самовольно тратить деньги, Николай в ответ повел против них интригу. В борьбе с Гирсом и Потаповым он использовал дворцовые связи своих дочерей Анастасии и Милицы (жены вел. кн. Петра Николаевича), которые были вхожи к царице и пользовались покровительством Распутина. Их роль в придворных кругах была злобшей. Первый муж Анастасии, князь Г. М. Лихтенбергский, назвал черногорских княгинь «черногорскими паучихами», а великий князь Николай Николаевич, поссорившись с Распутиным и Анастасией, пригрозил повесить Распутина и выслать в Черногорию свою супругу²⁶. Но «черногоркам» все же удалось сделать свое черное дело: в 1915 г. А. А. Гирс был переведен в Петербург на должность начальника Петроградского телеграфного агентства, а Н. М. Потапов был отозван в распоряжение Генерального штаба в чине генерал-майора. (После Октябрьской революции Потапов служил в Красной Армии, став начальником ее Генерального штаба.)

С возобновлением военной конвенции Россия стала оказывать Черногории всестороннюю помощь²⁷. Помимо военной субсидии Черногории были предоставлены краткосрочные кредиты, которые составили к декабрю 1914 г. 7 млн. руб.²⁸ В дальнейшем размер финансовой помощи увеличился, она стала оказываться одновременно и Сербии, которая вступила с Черногорией в военный союз. По свидетельству военного министра России В. А. Сухомлинова, эти страны получили в начале войны 75 307 387 руб.²⁹ Кроме того, финансовая поддержка осуществлялась и за счет отдельных ведомств России. Так, Военное министерство уплатило из своего бюджета 457 765 руб. за пошив для сербских и черногорских войск нескольких десятков тысяч комплектов шинелей и гимнастеров, а Совет министров отнес все расходы по закупке и производству 200 тыс. комплектов теплой одежды для сербских и черногорских войск на сумму 6 млн. руб. на счет Министерства иностранных дел³⁰.

При поддержке России Черногория выхлопотала в 1914 г. во Франции кредит на сумму 500 тыс. франков для закупки военных материалов³¹. Денежная помощь России Черногории была вполне достаточной для содержания вооруженных сил на высоком уровне.

Значительно хуже обстояло дело с поставками из России в Черногорию и Сербию оружия и боеприпасов. Русская армия сама остро нуждалась в вооружении и не могла регулярно снабжать им союзников. Трудности возникали и при транспортировке. После перекрытия Турцией Черноморских проливов провоз оружия из России по морю мог производиться только кружным путем — из Балтийского моря вокруг Европы, но для этого Россия не располагала достаточным коммерческим транспортом. Она не могла рассчитывать и на каботаж морских судов других государств — господство на морях подводного флота центральных держав делало этот путь небезопасным, а Англия и Италия не соглашались предоставлять России свои суда, считая Балканы второстепенным фронтом.

Железнодорожное сообщение в Черногорию и Сербию тоже было затруднено. Россия не имела с ними общей границы, а провоз грузов через нейтральные Румынию и Болгарию встречал препятствия с их стороны. Первое время для поставки грузов в Сербию, а через нее и в Черногорию оставался единственный путь — по реке Дунай. С этой целью Морским министерством была сформирована Экспедиция особого назначения (ЭОН) во главе с контр-адмиралом М. М. Веселкиным, которой было придано Русско-Дунайское пароходство³². При этом военные грузы приходилось провозить секретно. Румынское правительство, опасавшееся санкций со стороны Германии, дало разрешение на транспортировку оружия только под видом санитарно-медицинских материалов. «Они,— сообщал посланник в Бухаресте С. А. Поклевский-Козелл 9 октября 1915 г.,— согласны пропускать из России грузы в Сербию при условии, что на всех ящиках будут поставлены знаки Красного Креста»³³

Попытка России заручиться поддержкой Англии и выступить с совместной просьбой к румынскому правительству о пропуске через ее территорию военных грузов в Сербию и Черногорию закончилась неудачей. «Английское правительство,— сообщил С. Д. Сазонов посланнику в Бухаресте 11 сентября 1914 г.,— полагает неудобным сделать официально представление Румынии по поводу провоза материалов в Сербию»³⁴. Тем не менее ЭОН осуществило 33 рейса в Сербию, доставив 15 млн. шт. линейных винтовочных патронов, 18 тыс. артиллерийских снарядов и 30 тыс. артиллерийских орудий³⁵.

Для Черногории, имевшей узкую сельскохозяйственную базу и крайне нуждающуюся в хлебе, особенно большое значение имела продовольственная помощь России. Эта задача приобрела злободневность к концу 1914 г. в связи с сильным неурожаем, охватившим страну. Начальник штаба верховного

командования черногорских войск генерал Божидар Янкович писал 15 декабря 1914 г. в своем отчете: «Хлеба все более недостает. Воинам раздают плохой хлеб, а в некоторых отрядах его совсем нет»³⁶.

Правительство России предприняло ряд мер для обеспечения Черногории хлебом. Постановлениями Совета министров от 28 декабря 1914 г. и 27 марта 1915 г. заготовки хлеба для Черногории и Сербии были возложены на Главное управление землеустройства и землепользования (ГУЗиЗ) во главе с Г. В. Глинкой, получившим чрезвычайные полномочия. К 1 апреля 1915 г. это учреждение отправило в Черногорию и Сербию 1 млн пудов пшеничной муки и 1 млн пудов кукурузы³⁷.

Значительную помощь Черногории и Сербии оказывала российская общественность. В 1915 г. по инициативе демократических кругов России и славянских организаций был проведен ряд кампаний по сбору добровольных пожертвований в виде денег, теплых вещей и медикаментов для черногорских войск и продовольствия для гражданского населения. Во многих городах России организовывались кружечные сборы, распространялись подписные листы и лотерейные билеты в фонд помощи черногорскому и сербскому народам. По линии Красного Креста в Сербию и Черногорию были направлены Санитарно-медицинские отряды, на фронте были открыты полевые госпитали, в которых служили русские врачи и студенты-медики³⁸.

Материальная поддержка Россией Черногории помогла ей выстоять в войне против Австро-Венгрии в течение почти полутора лет.

Черногория вступила в войну 5 августа 1914 г. в знак солидарности с Сербией, которая подверглась неспровоцированному нападению Австро-Венгрии еще 28 июля. Черногорский монарх в своем манифесте об объявлении войны аргументировал этот шаг славянской солидарностью, хотя на самом деле он преследовал и собственные цели³⁹.

Одной из них было стремление избавиться от постоянной угрозы австро-венгерского вторжения на территорию Черногории. Хотя Дунайская монархия и заявила о готовности соблюдать нейтралитет по отношению к Черногории, в Цетинье хорошо знали об истинной цене этого обещания. Посланник Сербии в Вене Йован Иванович сообщил в Белград, а Белград — черногорскому правительству о том, что накануне нападения Австро-Венгрии на Сербию начальник австро-венгерского Генерального штаба генерал-фельдмаршал Франц Конрад фон Гётцендорф в беседе с членами Генштаба прямо заявил, что «вслед за Сербией наступит черед Черногории»⁴⁰. Об этом же заявлении информировала сербское и черногорское правительства военная разведка.

Черногорский король преследовал и другую цель — использовать войну для территориальных расширений, имея в виду главным образом албанский город Скутари (по-албански Шкодер), Новипазарский санджак и Дубровник с прилегающими к нему районами. В архиве Дворца-музея в Цетинье хранится любопытный документ, характеризующий истинную позицию Николая I. 8 сентября 1914 г. король направил командующим черногорскими войсками секретную инструкцию, в которой ставилась задача как можно меньше участвовать в операциях вместе с сербскими войсками, приберегая силы для ведения военных действий на других направлениях. «Эту депешу по прочтении уничтожьте, — предписывал монарх. — Я вас заклинаю Богом всемогущим, всеми средствами сохраните остаток моих войск... Не посылайте их в кровавые схватки, а смотрите разумно, не теряйте головы... Братья-сербы имеют достаточно людей, и они могут их расходовать, а мы, как вы знаете, имеем мало и много их потеряли... Если все это нарушите, вы будете прокляты Богом и мной. Любящий вас король. Цетинье, 8 сентября 1914 г.»⁴¹

Монарх, являясь верховным командующим черногорских войск, весьма небрежно относился к своим обязанностям. Майор Густав Хубка, австро-венгерский военный аташе в Цетинье, используя донесения своих агентов, следующим образом характеризовал работу штаба верховного командования черногорских войск: «Поступающие с фронта донесения (в главную квартиру. — Ю. П.) принимал, как правило, лично король. Потом эти бумаги валялись многие часы и даже дни на столах в курительной комнате или исчезали в просторных карманах королевского платья. Столь же примитивно обстояло дело с изданием распоряжений и их отправкой на фронт. Депешы составлялись без серьезного обдумывания, наспех, на них не ставилось даты, они нигде не регистрировались. Приказы писались от руки самим королем или под диктовку одной из принцесс, или кем-нибудь из присутствующих и тотчас, минуя проверку, отправлялись на телеграф»⁴².

Российское правительство неоднократно обращало внимание Николая на необходимость соблюдения союзнических обязательств, улаживая споры между верховным командованием Сербии и Черногории. Так, 18(31) августа 1914 г. временный поверенный в делах России в Цетинье Н. А. Обнорский пригласил к себе министра иностранных дел Черногории П. Пламенаца и передал ему обращение С. Д. Сазонова. «Я в настойчивой форме повторил Ваш совет не отвлекать войска от центральных направлений», — сообщил Обнорский⁴³. 26 сентября Обнорский снова повторил свою рекомендацию, 5(18) ноября 1914 г. напомнил еще раз⁴⁴.

Однако король Николай продолжал нарушать соглашение с Сербией о координации военных действий и сначала предпринял попытку в одностороннем порядке захватить албанскую крепость — город Скутари, а в ноябре—декабре — г. Дубровник, направив туда войска и оголив фронт в районе Дуная.

Еще хуже обстояло дело с согласованием военных действий между черногорскими и сербскими войсками, с одной стороны, и русскими — с другой. В 1914 и 1915 гг. они действовали разрозненно, каждое на своем участке фронта, что позволило войскам Центральной коалиции перебрасывать свои войска с одного фронта на другой. В октябре Австро-Венгрия, заручившись поддержкой Германии и заключив союз с Болгарией, осуществила новое наступление на Балканском фронте. Войскам Центральной коалиции, к которой присоединилась Турция, удалось разбить сербскую армию и всей мощью обрушиться на черногорское войско. Обороняя свою территорию, оно сражалось храбро, проявив невиданную стойкость, и в течение целых трех месяцев сдерживало натиск превосходящих сил противника, но, оставшись в одиночестве (сербские войска эвакуировались из Черногории в Албанию и на о. Корфу), черногорцы вынуждены были уступить. Россия, сама подвергаясь в 1915 г. натиску германских войск, не смогла оказать действенной помощи Черногории. Ее покинули и западные союзники. 11 января 1916 г. австро-венгерские войска захватили столицу Черногории г. Цетинье, черногорское правительство бежало в г. Подгорицу, но вскоре и он оказался под угрозой падения. Черногорское правительство запросило перемирия на условиях прекращения войны при сохранении государственной самостоятельности. Это предложение было отклонено Австро-Венгрией, предъявившей ультиматум о безусловной капитуляции. Черногорское войско еще продолжало борьбу, однако правительство избрало иной путь. 19 января Подгорицу покинул король Николай и его правительство, бежав во Францию, что окончательно сломало силы сопротивления Черногории. Страна сдалась на милость победителей. Над ней на три года опустилась темная ночь чужеземной оккупации, и лишь в декабре 1918 г. Черногория была освобождена сербской армией и восставшим народом.

13(26) ноября избранное населением учредительное собрание — Великая народная скупщина в Подгорице — приняло решение об объединении Черногории с Сербией и о низложении с престола короля Николая, признав его виновным в капитуляции. Черногорский народ не простил королю измены, и тот умер на чужбине, во Франции, в 1921 г.

Примечания

¹ Цит. по: Русско архивные материалы по Черногории (Записки)/Отв. редакторы И. С. Достян и Й. Бойлович. Београд, 1922. С. 5.

² Архив Дворца-музея на Цетину, ф. Приновијени списи (далее — АДМЦ). Н. К. Гирс — А. И. Кояндеру. 5.XI. 1883 (здесь и далее даты приводятся по старому стилю).

³ См.: Дедијер В. Неки методолошки проблеми у вези припреманах родии за објављиване српске службени гражи у 1914/Историјски часопис. Београд, 1965. № 14—15. С. 443—464.

⁴ Операције црногорске војске у првом светском рату. Београд, 1954.

⁵ Документи о сполној политици Краљевине Србије 1903—1914. Београд, 1980—1982. Т. I—VII.

⁶ Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительства 1878—1917. Т. 1 — 10. М.; Л., 1931 — 1938. (далее — МОЭИ).

⁷ Покровский М. Н. Как началась война//Пролетарская революция. 1927. № 7. С. 27.

⁸ АДМЦ, ф. Никола I. 1913—1914. Письмо государю-императору Русије. Цетине. 23.XI.1913.

⁹ Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия в 1914—1917: Война на Балканах. Монреаль, 1983.

¹⁰ Гирс А. А. Австро-Венгрия, Балканы и Турция. Задачи войны и мира. Пг., 1917.

¹¹ Потапов Н. М. Дневник. Рукописи. Институт истории РАН. Отдел рукописных фондов.

¹² Giesl W. Zwei Jahrzehnten im Nahen Orient. Berlin, 1927.

¹³ Хубка Г. Дипломација у Црној Гори//Гласник Цетинског историјског друштва. Цетине, 1837. Кн. XVIII. № 2.

¹⁴ Хајдуковић Н. Мемоари. Кн. I—II.//Архив Института историје Црне Горе. Рукопис.

¹⁵ Шкеровић Н. Из односа Црне Горе и Русије. Војна конвенција из 1910/Историјски записи. Титоград, 1959. Кн. XVI. Св. 3—4. С. 113—123.

¹⁶ Митровић А. Продор на Балкан и Србија 1908—1918. Београд, 1980. С. 149—150.

¹⁷ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3209, л. 76—80. С. Д. Сазонов — В. А. Сухомлинову. 20.XII.1913.

¹⁸ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. М., 1931. С. 192.

¹⁹ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3209, л. 76—80. Протокол Особого совещания. Петербург, 21.I. 1914 г.

²⁰ Там же, л. 126—127. Н. М. Потапов — ГУГШ, Цетинье. 16.VIII.1913.

²¹ Там же, д. 4198, л. 45—46.

²² Там же, д. 7418, л. 10—15. Журнал Особого совещания по вопросу о восстановлении военной конвенции с Черногорией. 31.III. 1914.

²³ Там же, д. 3209, л. 61. Сравнительная ведомость расходов на черногорскую армию по смете Военного министерства на 1914 г. и за счет предполагаемой русской субсидии.

- ²⁴ АВПРИ, ф. П. А., д. 3392, л. 52. В. Н. Коковцов — С. Д. Сазонову. 27.VIII.1913.
- ²⁵ Там же, д. 1604, л. 122—123. С. Д. Сазонов — А. А. Гирсу. 20.I.1914.
- ²⁶ Валентинов Н. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 гг. Ч. 1. М., 1929. С. 34.
- ²⁷ См.: Писарев Ю. А. Военное сотрудничество России с Сербией и Черногорией в 1915 г.//Исторические записки. Т. 106. М., 1981. С. 52—73.
- ²⁸ МОЭИ. Сер. 3. Т. XIII. Ч. 2. № 169, 680.
- ²⁹ РГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 12, л. 10. В. А. Сухомлинов — И. Л. Горемыкину. 10.XI.1914.
- ³⁰ Там же. Особый журнал Совета министров. 5.XII.1914.
- ³¹ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1914, д. 388, л. 116—117. Н. А. Обнорский — С. Д. Сазонову. Цетинье, 16.IX.1914.
- ³² РГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 3465, л. 2.
- ³³ Там же, д. 3523, л. 245. С. А. Поклевский-Козелл — С. Д. Сазонову. Бухарест 9.X. 1915 г.
- ³⁴ АВПРИ, ф. ПА, д. 4219, л. 10. С. Д. Сазонов — С. А. Поклевскому-Козелл. Пг., 11.IX.1914 г.
- ³⁵ Архив Србије. Српско посланство у Петрограду, к. 8. М. Спалайкович — военному министру Србији. Пг., 17.X. 1914.
- ³⁶ Архив Војно-историјског института Југословенске народне армије, пописник 4, кутија 91, л. 1. Божидар Јанкович — Верховному командованию сербской армии. Цетинье, 2.XII.1914.
- ³⁷ РГИА, ф. 456, оп. 1, д. 940, л. 91. Начальник канцелярии ГУЗиЗ Н. А. Гаврилов — политическому отделу МИД. Пг., 1.IV.1915.
- ³⁸ ЛОГИА, ф. 400, оп. 1, д. 1599, л. 13; д. 1600, л. 23; Глас Црногорца. 10.X.1914, 28.II.1915, 11.VI.1915, 16.IX.1915.
- ³⁹ Глас Црногорца. 25.VII (5.VIII).1914.
- ⁴⁰ Јовановић Ј. Аустријска тајна архива 1914//Записи Цетинье, 1931. Кн. III. С. 33—34.
- ⁴¹ АДМЦ, Никола I. 1914, ф. 6, № 127.
- ⁴² Хубка Г. Указ. соч. С. 12.
- ⁴³ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1914, д. 63, л. 40, 55. Н. А. Обнорский — С. Д. Сазонову. Цетинье, 18(31).VIII, 26.IX(9.X).1914.
- ⁴⁴ РГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 3539, л. 22. Н. А. Обнорский — С. Д. Сазонову. Цетинье, 5(18).XI.1914.